

ДЕВОЧКА-ТАЙНА

Елена Нестерина

Елена Нестерина
Девочка-тайна

«Елена Нестерина»

2012

Нестерина Е. В.

Девочка-тайна / Е. В. Нестерина — «Елена Нестерина», 2012

ISBN 978-5-699-56782-9

Они появились в городе на рассвете. Мама и девочка. Поселились в домике у обрыва, где морские волны бешено бьются о берег, а степной ветер воеет и сбивает с ног. Таинственное имя Гликерия, загадочный взгляд, чёрные одежды – вот такая новая ученица всколыхнула размеренную жизнь школы. Кто же она? Слишком независимая, слишком отстранённая – и любознательная одновременно. Да ещё и бесстрашная – на глазах у всех дала отпор самовлюблённому мачо-старшекласснику. Ну точно – ведьма! Это только имидж – уверены те, кто сам хотел, но не смог создать себе такой образ. Или всё-таки в этом что-то есть?..

ISBN 978-5-699-56782-9

© Нестерина Е. В., 2012
© Елена Нестерина, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Елена Нестерина

Девочка-тайна

«Стиль есть судьба».

Освальд Шпенглер

Глава 1

Мама + девочка

Они появились в городе на рассвете. Мама и девочка. Улицы были пусты, и дрожащий предрассветный туман ещё не поднялся, чтобы рассеяться в осеннем воздухе, когда их чёрная машина с помятой дверцей промчалась к центральной площади и остановилась у памятника молодому мятежному поэту.

Маме и девочке понадобилось всего несколько минут, чтобы свериться с картой-навигатором и выбрать нужное направление. Так что скоро машина покинула площадь и теперь двигалась в сторону окраин.

С моря подул ветер, в клочья разорвал туман, который заметался среди каменных стен и заборов. Хлынувший из тяжёлой тучи дождь принялся вбивать его в асфальт, и туман запузирился в широких лужах, только так и напоминая о себе.

Но чёрная машина продолжала свой бег. Сквозь стену дождя мама и девочка осматривали дома и коттеджи, которые были уже унылы и пусты – курортный сезон давно завершился.

Закончился и город. Дорога пошла вдоль моря, показался один пригородный посёлок, другой. Машина промчала их без остановки. И теперь путь её пролегал по тряской степной дороге. Туда, где за пеленой дождя угадывалось ещё какое-то жильё.

...По стеклу сбегали быстрые капли. Оля Соколова сидела за кухонным столом и, гоня ложкой лимон в чашке чая, грустно смотрела в окно. Утро не радовало разнообразием. Так начинался уже не первый день – тоскливым дождём. А чего ещё ожидать осенью в маленьком городке? Всё предсказуемо, всё уныло и плоско – плоское море и плоская степь. Серое небо – тоже плоское, над ними. Ну, иногда даже не серое, а почти чёрное, с дождевыми и снеговыми тучами, которые часто сталкивались между собой и, чтобы удержаться в воздухе, сбрасывали на город балласт – такой же безрадостный и закономерный предзимний град. Ну что за осень?

Оля прижала дольку лимона к стенке чашки и вздохнула. Что делать осенью в таком тоскливом краю? В Москве осень красива и поэтична – берёзы роняют золотые листья, клёны роняют красные, ветер носит их по улицам, игриво бросает в руки прохожих... Где-нибудь в Калифорнии осень – это только даты на календаре, так что люди продолжают радоваться солнцу и лёгкой летней одежде. А в Лапландии, где уже давным-давно залегли искристые снега, жизнерадостные финские подданные в ярких вышитых шубах весело катаются на оленьих упряжках и снегоходах. Всё понятно, всё чётко – и только в маленьком городишке, откуда вместе с летом уходит радость, некуда деться от уныния.

– Оля, не опоздай в школу! Пора. Обязательно застегни куртку, не модничай. Зонт не забудь. И лимон съешь – витамин С, сама знаешь.

Это мама. Заботится об Олином здоровье – всё так же, как в прошлом году, как и все пятнадцать лет подряд, со времён появления Оли на свет. Конечно, Оля не забудет. Оля любит свою маму, так что зачем её огорчать?

С этой мыслью девочка выловила из чашки дольку лимона, аккуратно выкусила кислосладкую мякоть из полукруга кожуры. Ух! Прошибло до самых мозгов! Оля улыбнулась – старый проверенный мамин способ её взбодрить. Подействовал, конечно, снова подействовал. Девочка допила остатки чая, вымыла чашку – и в кухне появилась мама.

– Кстати, папа тебя подвезёт, – улыбаясь и целуя Олю, сказала она. – Только что подкатил к подъезду. Давай-ка, бегом! И зонт всё равно возьми!

Вот это было приятно. Обычно папа выходил из дома тогда, когда Оля только поднималась с кровати. А тут...

Унылое дождливое утро перестало быть унылым. Девочка Оля умела радоваться. Вихрем слетела она по ступенькам, забралась в машину, чмокнула папу в щёку – и они поехали к школе. Вдоль улиц, которые обычным утром Оля прошла бы пешком – под дождём и по лужам. Красота!

... – Мама, ну сколько можно – каждый день одно и то же, одно и то же! Не порть мне настроение с утра.

– Девочка моя, ну кто же о тебе позаботится, если не я? Послушай меня, послушай! С сыном Натальи Борисовны тебе нужно – просто обязательно нужно познакомиться. Они придут к нам в субботу чай пить. Поговорите, пообщаетесь. Может, найдутся общие интересы.

– Это бредовая идея, мама. Я уже знакомилась с сыном Софьи Олеговны – помнишь? И что? Дурак дураком, к тому же толстый и страшный.

– Красавцев, моя девочка, уже давно разобрали. А что дурак – так ты сама же у нас умная, вам на двоих хватит.

– Очень смешно, мама!

– Нам с тобой уже не до смеха...

– Это почему?

– Сама догадайся. И посмотри на свою сестру – она-то всё в жизни успела. В твои годы у неё уже...

– Мама!

– А ты только книжки мастер читать. И из дома тебя, кроме как на работу, просто не выпрешь! Так и просидишь всю жизнь квашнёй, так всё и упustiшь!

– Мама!

– Я правду говорю – подумай!

– Ну мама же!!!

– Мариночка!

– Ну хорошо...

– Что – «хорошо»? Пусть приходят?!

– Да... И на этом всё, мама. Я опаздываю.

– Конечно, конечно!

Таким разговором началось очередное утро. Туго зашнуровав модельные ботиночки, застегнув куртку и набросив ремень сумки на плечо, Марина вышла под дождь. Раскрыла зонт и зашагала, обходя лужи. Она знала, что, замерев у окна, мама смотрит ей вслед. И переживает – за то, как сложилась, вернее, не сложилась жизнь её девочки. И надеется – на её непременно счастье с сыном пресловутой Натальи Борисовны.

Но сейчас Марину, а точнее, Марину Сергеевну, учительницу, ждала работа – буйные, подмоченные осенним приморским дождём дети. Так что долой семейные проблемы, и – в бой!

Небольшой двухэтажный дом из почерневшего пиленого ракушечника, выщербленного ветрами и дождями, понравился им сразу. И маме, и девочке. Они обошли его вокруг, едва не соскользнув с раскисшей земли прямо в бушующие под высоким обрывом морские волны, постучали в толстые деревянные ворота, в маленькую дверцу, неожиданно обнаруженную ими в стене. Никого.

Мама и девочка не любили сдаваться. Они уселись в машину и поехали в обратном направлении. Вскоре показался курортный посёлок. Возле полутораэтажного коттеджа, над достройкой которого трудились неутомимые рабочие, машина остановилась, мама и девочка выбрались на улицу и спросили у них, где можно найти хозяев того самого дома на берегу. После долгого разговора под дождём кое-что прояснилось, и машина снова покатила вдоль посёлка. Лаяли собаки, выходили под дождь недовольные люди, а промокшие и усталые мама и девочка продолжали расспросы.

И нашлись – хозяева каменного дома нашлись! Пожилые супруги до самого лета не собирались сдавать свой уютный комфортабельный домик посреди курортного посёлка – и сейчас жили в нём сами. Но когда услышали, что у них просят снять тот старый рыбацкий дом на отшибе – и к тому же прямо сейчас, удивились и оживились. Не теряя времени, мама и девочка пригласили хозяев в машину – и помчали их к дому на берегу.

Внутри дома оказалось хорошо, только холодно. Пока хозяин суетился с углём для печи и включал электрические обогреватели, хозяйка провела будущих жильцов по комнатам. Их оказалось немного – весь первый этаж занимала просторная кухня, сейчас заваленная разнообразной мебелью, а наверху были две комнаты, и обе с выходом на террасу.

– Обычно мы тут летом живём, а сдаём тот дом, в смысле коттедж в посёлке, – сообщила хозяйка. – Комнаты то есть, в нём сдаём. Там чистенько, аккуратно, все удобства, евроремонт. От него и до рынка близко, и до пляжа пять минут ходьбы. Может, вы всё-таки в коттедже комнаты снять хотите? Весь второй этаж можем сдать, возьмём недорого – несезон ведь. Или...

– А что раньше было в этом доме? – спросила мама, отрицательно качая головой – и тем самым отвергая предложение жить вместе с хозяевами в новом уютном коттедже посреди посёлка.

А раньше здесь жили рыбаки. В длинных сараях, которые когда-то были выстроены вдоль дома, но теперь почти все оказались снесены за ненадобностью, хранились лодки, складировались сети. А на берегу моря они растягивались для просушки и починки. На первом этаже дома, в кухне, было что-то вроде конторы, где рыбаки, что приезжали и приходили на свой промысел из посёлков, отдыхали в ненастную погоду и отчитывались руководителям рыболовной артели. Когда артель прекратила существование, дом, построенный ещё до революции, остался за семьёй старшего артельщика. Со временем одно поколение семьи сменило другое, лодки гнили в сараях, вокруг дома появились огороды, куры забегали по двору. Но скоро и это хозяйство стало никому не нужно – следующее поколение хозяев рыбацкого дома выбрало другой способ выживания. Так в пригородном посёлке возник коттедж для курортников, возле которого подрастал небольшой, но уютный садик. Одинокий мрачный дом на отшибе стал служить временным пристанищем хозяевам в месяцы массового наплыва отдыхающих. И складом в межсезонье.

Но теперь ему вновь предстояло быть обитаемым.

– Плохо печь топится. А обогреватели электричества много съедают, – развёл руками хозяин, завершивший дела по налаживанию отопления. Печь дымила и коптила, но электрические калориферы работали хорошо, и скоро стало теплеть.

– Отлично, будем топить электричеством, – согласилась мама.

Девочка в переговорах не участвовала.

– Дорого, – вздохнула хозяйка.

Мама, которой и предстояло платить за дорогое тепло, улыбнулась и пожала плечами:

– Ну, значит, будем греться дорого.

Хозяева переглянулись и закивали.

– Так надолго вы к нам? – ещё раз уточнил хозяин.

– Как понравится, – ответила мама и предложила заплатить деньги за несколько месяцев вперёд.

Но всё ещё удивлённые странной сделкой хозяева рекомендовали не рисковать: приняли деньги только за один месяц.

– Если не понравится – съедете отсюда со спокойной душой и найдёте себе что-нибудь получше. Да и нам спокойнее будет, – так сказали они. – А приживётесь – тогда будем и дальше рассчитывать.

И новые жильцы согласились.

Глава 2

Готы в городе!

Гликерия. Её звали Гликерия – новенькую девочку, которая появилась на первом уроке в девятом «А» классе. Её привела директор школы, назвала имя-фамилию и оставила. А сама умчалась – у неё тоже был сейчас урок.

Марина Сергеевна, классная руководительница девятого «А» и одновременно учитель физики, торопилась начать новую сложную тему, а потому быстренько пожелала девочке Гликерии хорошо учиться, поскорее адаптироваться в коллективе и предложила сесть за пустовавшую сегодня парту – третью в среднем ряду. Новенькая послушалась и расположилась там.

Событие! Новенькая в классе – это же всегда событие! На Гликерию внимательно смотрели, пока она шла к предложенной парте, пока садилась и вытаскивала вещи из рюкзака. И когда Марина Сергеевна объясняла новую тему, тоже смотрели.

А потому многие были очень даже невнимательны.

– Что же вы меня не слушаете? – возмутилась учительница, устав наблюдать за тем, как взгляды её учеников скашиваются в сторону от доски. – Да что с вами такое, девятый «А»? Никак, что ли, не раскочаетесь после каникул?

Осенние каникулы закончились меньше недели назад, так что это вполне могло быть правдой.

«Да, никак мы не раскочаемся!» – охотно закивали ребята. И продолжили наблюдать.

А новенькая Гликерия не делала ничего особенного. Она просто сидела за партой и просто смотрела – на доску, на развешанные по стенам наглядные пособия, портреты прославленных физиков и самопальные ученические газеты, которыми увлекались в девятом «А». Иногда девочка останавливала взгляд и на своих новых соучениках – но, как отметил про себя каждый наблюдатель, нечасто.

Выглядела Гликерия... Выглядела она, так уж выглядела! Оля Соколова, которой новенькую было очень хорошо видно, – она сидела на соседнем ряду как раз наискосок, не переставала удивляться. И с уверенностью могла сказать, что похожих личностей в их школе точно не было. Ну надо же! Новенькая была во всём чёрном: чёрная водолазка под чёрным сарафанчиком с капюшоном – довольно простеньким, трикотажным и весьма потёртым. Однако от этого он только выигрывал – казался униформой какого-то неведомого мистического ордена. Чёрные лосины и бархатные балетки на ногах. Да – ещё большой кулон, висящий на длинной серебристой цепочке. Не крест, не какой-нибудь там зловещий черепок или гробик, а что-то другое, что непременно хотелось разглядеть.

Ну а лицо... Оля видела новенькую в полупрофиль, хотя несколько раз, разглядывая стенды и портреты, Гликерия оборачивалась – и Оля успела, пусть и каждый раз мельком, рассмотреть его. Интересное такое лицо. Довольно бледное, без косметики. Высокий лоб, под тонкими бровями тёмно-серые глаза, расставленные, может быть, чуть шире, чем нужно для гармоничной красоты, маленький рот сердечком. На щёки то и дело падали две короткие пряди волос – очевидно, бывшая чёлка, которую Гликерия решила отращивать. Остальные волосы – очень прямые, тёмно-тёмно серые, тоже можно считать, что чёрные, собраны в два хвоста. Длинных, до пояса. Кажется, всё скромненько и не противоречит школьной эстетике и морали. И в то же время на эту девушку хотелось смотреть, смотреть и смотреть, пытаясь разгадать её тайну. Если она есть, конечно, эта тайна... Да и просто приятно было новенькую разглядывать.

От неё пахло духами, и духами какими-то таинственными, но одновременно знакомыми. На перемене Оля Соколова специально прошла мимо новенькой несколько раз – попыталась вспомнить, что за духи. Не вспомнила. Но выяснила, что Гликерия на полголовы ниже её. А

значит, совсем невысокая – особенно по сравнению с рослыми девушками их класса. На физкультуре наверняка окажется третьей-четвёртой с конца шеренги – как раз перед известными малявками сёстрами Сидоровыми и кругляшкой Таней Огузовой.

«Гот! Новенькая – гот!» – толкнув Олю в бок и кивнув на Гликерию, со знанием дела сообщил Димка Савиных, самый шустрый и бойкий парень в классе. Сообщил – и, многозначительно кивая и подмигивая, отправился разносить эту информацию остальным.

А новенькая, если и слышала Димку, то всё равно оставалась спокойна. Не подтверждала его сообщение, но и не опровергала. Вслед за остальными она перебралась в кабинет русского языка. С теми, кто подошёл к ней, с удовольствием познакомилась. Оля Соколова слышала это. Сама она познакомиться постеснялась. Хотя мысленно была уже в такой же интересной одежде, такой же независимой и невозмутимой, как Гликерия.

...Независимой, да. Это качество новенькой бросалось в глаза, пожалуй, даже сильнее готического имиджа. С первых же минут появления Гликерия вела себя спокойно и уверенно. Оля Соколова сразу это заметила. И ещё подумала о том, что у них в школе все привыкли оглядываться друг на друга, ожидая оценки – одобрения, осуждения или плохо скрываемой зависти. Будь то какой-то поступок или просто внешний вид. Все: и девчонки, и мальчишки, старались произвести впечатление, быть лучшими, прорваться в лидеры, стать звездой – в любой номинации. Это называлось здоровым духом соревнования, и все привыкли чувствовать на себе постоянные оценивающие взгляды, привыкли ждать комментариев в свой адрес. И признания. Обязательно. Любой ценой добиться позитивной победы – такой негласный девиз имела школьная жизнь.

А новенькой явно было всё равно. И она это своё «всё равно» не демонстрировала. А просто жила. Оля Соколова, точно притянутая магнитом, следила за ней. Вот Гликерия устроилась за партой на географии, вот разглядывает стенды в кабинете истории, вот села на подоконник в ожидании геометрии. Как у себя дома! Девчонка была спокойна и расслаблена, как будто тысячу лет училась в этой школе и ниоткуда не ожидала подвоха! А она – Оля, хоть и учится тут с первого класса, до сих пор с опаской и осторожностью поглядывает по сторонам. Раньше, в младших классах, надо было остерегаться драчливых мальчишек. Позже – неустанно следить за внешним видом, стараться не опозориться и всегда быть на высоте. Какая-нибудь модная фря так может откомментировать твой облик или любую из составляющих гардеробчика – что от позора захочется утопиться в море... Если в класс приходили новенькие – что, признаться, случалось за время Олиного обучения нечасто, они вообще долго привыкали, пристраивались и приспосабливались к местному обществу. А Гликерия тут же, в первый же день появления, почувствовала себя уютно – и явно чихать ей на мнение всех и каждого. Вот как это ей удаётся?

И опять же – тайна... Подумав об этом, Оля Соколова даже пригорюнилась.

У неё, у Оли, не было тайны. А у новенькой Гликерии всё, даже голос – негромкий, глуховатый и низкий, даже раскачивающийся на цепочке кулон, даже чёрный потрепанный рюкзак с тетрадями, казалось значительным и загадочным. Это завораживало и расстраивало одновременно. Вот поэтому Оля знакомиться не лезла и наблюдала со стороны.

Гликерия же продолжала невозмутимо общаться с новыми одноклассниками. Сравнила свои учебники с местными, записала, каких ей не хватает, выяснила, как зовут учителей – всё это наблюдала Оля во время уроков и на переменах. А после занятий – Оля вместе с остальными это видела, – выбежала из школы, забралась в подкативший к обочине чёрный внедорожник и умчалась.

– Готы! У-лю-лю!

– Буу! Ву-у! Готы в городе! – не раз и не два раздавалось за спиной Гликерии, когда она проходила по школьным коридорам. Это веселились младшеклассники. Старшие просто оценивающе разглядывали её. Так, чтобы она непременно это заметила – разглядываем, да. И как ты на это отреагируешь? Гликерия реагировала как обычно – была спокойна и ровна.

– У вас новенькая – готка? – приставали к ребятам из девятого «А» ученики других классов.

– Ну и как она? Не зовёт ещё вас погулять по кладбищу?

– Или она у вас вампи-и-и-р-р-р-р?

Соученики Гликерии отшучивались и ничего конкретного не отвечали. Потому что сами ничего о ней не знали.

У классного руководителя Марины Сергеевны девочка вызвала сначала недоумение, а затем интерес. Новенькая не хамила, да и вообще не нарушала дисциплину. Физику – пусть на слабую троечку, но знала, уроков не прогуливала. Всё было в допустимых пределах. Но так что же, что? Ведь что-то если не отталкивало от неё Марину Сергеевну, то как-то настораживало. Да та же спокойная независимость и доброжелательная уверенность, с которой новая ученица держалась, – вот что. И, конечно же, внешний вид.

Ох, этот внешний вид...

Никаких готов и прочих нарядных неформалов в школе до этого не было. Руководство тщательно следило за внешним видом и моральным обликом паствы, старательно держа всех – от малышей до выпускников, в нескончаемом позитиве общешкольной жизни. Тематические вечера и просто дискотеки, самодеятельные концерты, конкурсы и турниры, КВНы и спортивные матчи – чего только не проводилось в школе, чтобы отвлечь учеников от негативного влияния улицы и неконтролируемого ухода в себя. Сами ребята – в школе существовал орган ученического самоуправления «Комитет добра и порядка», учителя, и Марина Сергеевна, конечно, в том числе, пристально следили за тем, чтобы дети были понятны, просты и проницаемы. Вот потому и она, и остальные педагоги с первых же дней присматривались к новенькой из девятого «А» – но та умело балансировала на грани дозволенного, так что придрать, сделать замечание или велеть ей что-либо подкорректировать было невозможно. Так что и Марина Сергеевна, затаив смутную тревогу, старалась вести себя с Гликерией как и со всеми остальными учениками. Но на самом деле ей так хотелось подойти к девчонке и спросить... О чём спросить? Да хоть о чём-нибудь. В день поступления новенькой Марина Сергеевна узнала от директора, что последним местом, где обучалась девочка, была московская школа. Вот так да! Училась в Москве – и вдруг переехала! Почему, зачем? Все туда, а она оттуда. Так что спросить, спросить бы... Вот ведь какая загадочная девчонка. Тайна у неё какая-то была, вот хоть ты тресни! В такие моменты Марина Сергеевна себя останавливала. Что ещё за тайны? Ни у кого из ребят тайны нет, а у новенькой есть. Это плохо – тайны отвлекают от уроков. А все проблемы из Москвы – не живётся там спокойно, всё стараются в столице существовать поизощрённее, вот и расплодилось разные готы-обормоты, эмо-проблемы, трэшники, анимэшники... Такие мысли немного мирили Марину Сергеевну с действительностью – особенно в преддверии мучительных знакомств, которые устраивала для неё, одинокой неприкаянной девушки, озабоченная её будущим мама. Для чего и таскала Марину по гостям или приглашала к ним домой своих подруг и знакомых с великовозрастными сынками. И это было ужасно...

Имидж Гликерии по-прежнему интриговал. Хотя никакого готического грима на ней не было, украшений – кладбищенских или со склада металлоизделий, тоже. Одни и те же неброская цепочка с кулончиком, серебряная мелочь неценных колец на пальцах, иногда атласная ленточка на шее. Всё. Но эта девочка бросалась в глаза, как будто от неё шло излучение – и

притягивало взгляды. В основном новенькая появлялась на уроках в том же боевом наряде, что был на ней в первый день. Пару раз её видели в узких брюках и чёрном свитере. Хотя и в красной водолазке тоже видели. И в толстой серой кофте из овечьей шерсти тоже. То есть чёрному цвету она иногда изменяла. В раздевалке, собираясь домой, она переобувалась – меняла балетки на шнурованные ботинки – высокие, до колена, изящные, в которых даже как-то жалко месить осеннюю грязь. Или на резиновые сапоги – тоже, конечно, чёрные и антрацитово блестящие. Надевала плотный плащ с большим капюшоном – и исчезала под завесой дождя.

Она спокойно и дружелюбно говорила всем «привет», когда утром входила в класс. Говорила «пока», когда перед отходом домой покидала раздевалку. Некоторых, например, того же Димку Савиных, спрашивала о чём-то – кажется, о том, какая в городе обычно зима и что делают зимой на физкультуре. На переменах или читала учебники, или переписывалась с кем-то в телефоне, или, прикрыв глаза, слушала музыку, заткнув уши наушниками. Но чаще всего просто стояла у окна и смотрела вдаль – в тех кабинетах и коридорах, окна которых выходили на неровный ряд сараев, чахлый школьный сад и пустую бесприютную степь за ним. Лил дождь, били в стекло градины, задувало льдистой крупой – а Гликерия смотрела сквозь разгул непогоды. И иногда улыбалась. А чему, почему – непонятно.

Глава 3

Типаж «молодая ведьмочка»

И однажды приехала в школу на скутере. Оставив его на старом хозяйственном складе, ключами от которого владел завхоз, Гликерия отправилась на уроки. Отсидев их все – так же спокойно и с доброжелательной невозмутимостью, она отыскала завхоза, зашла на склад, вывезла оттуда на улицу свой мотороллер.

И тут её окружила толпа. Конечно, у некоторых ребят тоже были скутеры, и они тоже приезжали на них в школу. Но такого пристального внимания не привлекал до этого никто. Девушка в чёрном, ведущая в поводу чёрный блестящий скутер...

Оля Соколова, которая вместе с Таней Огузовой вышла из дверей школы, тоже увидела эту картину и поспешила присоединиться к толпе зрителей.

А Гликерия тем временем подкатила свой транспорт к воротам и только собралась сесть в седло, как к ней шагнул Костя Комков – самый популярный в школе парень выпускного возраста.

– О-о, какой скутерок! – с интонацией ухаря-купца произнёс он и протянул руку к рулю. – Дай-ка покататься.

Гликерия отвернула руль в бок, так что рука Костика цапнула только воздух.

– Не дам, – сказала Гликерия.

– Да не бойся. Кружок-другой проедусь, проверю твою машину. О! Сделаю этому скутеру тест-драйв! – оборачиваясь к своим приятелям, в числе которых топтался и Димка Савиных, теперь уже как добрый барин протянул Костик.

– Нет. Не дам, – отрицательно качая головой, повторила Гликерия.

Оля Соколова, которая невольно ощутила себя в группе поддержки новенькой, оглянулась на Таню и замерла – спорить с Костиком было себе дороже. Избалованный любовью девчонок разного школьного возраста и покровительством учителей, которые считали его обаяшкой и заводилой, – то есть очень нужным человеком в плане влияния на народные массы, он привык к популярности и сопутствующим ей благам. Только вот Гликерия, кажется, об этом не догадывалась. А любимец публики был капризен и злопамятен.

– Почему? – удивился Костик, вторично услышав «нет».

– Потому что я тебя не знаю, – сказала Гликерия, пожав плечами.

– Меня – не знаешь? – удивился Костик.

– Нет.

– Ну и что. А я хочу покататься. Дай. Жалко, что ли?

Костик смотрел на новенькую весело и нагло. А на него смотрела куча зрителей. И зрители эти, кстати, всё прибывали. Костя, большой любитель выступать на сцене, и в жизни с удовольствием устраивал забавные шоу. А интерес зрителей добавлял ему уверенности и куража.

– Жалко, – спокойно и твёрдо ответила Гликерия.

– Почему???

– Не понимаешь?

– Не-а.

– Ты не сделал мне ничего хорошего – чтобы и я тебе захотела что-то хорошее сделать, – глядя на Костика из-под капюшона, сказала Гликерия. – Ну, конечно, если бы у тебя были какие-то проблемы, я бы тебе помогла – довезла бы там куда надо на своём скутере или дала его тебе, чтобы съездить к больной бабушке, срочно привезти ей лекарства. А так... Нет.

Костик разозлился. Он не терпел отказов. Он не привык к ним. Он, как помнила Оля Соколова, в прошлом году на глазах у всех высмеял и хлопнул по ушам её одноклассника

Сашку Макушева – за то, что тот не стал выполнять какое-то мелкое поручение Костика из разряда «подай-принеси». Сашка до сих пор был не отомщён. Оля дружила с ним – и ужасно злилась на Комкова. Правда, тоже ничего с ним сделать не могла. Ни тогда, ни сейчас.

А Костик тем временем гневно покраснел.

– Я смотрю, ты не в меру деловая, – фыркнул он, презрительно оглядывая Гликерию с головы до ног. – В общем, трындеть ты можешь долго, мне просто слушать некогда. А показаться охота. Так что осади от аппарата. Накатаюсь – верну. Но за то, что ты была со мной дерзкой, верну нескоро.

Одобрительно захихикали приспешники. Новая волна уверенности хлынула к Костику. Он ухмыльнулся.

– Ты понимаешь, что покушаешься на личное имущество? – откатывая скутер назад, спросила Гликерия. – Понимаешь, что мне придётся его защищать? А это создаст тебе проблемы, я предупреждаю.

– Ой-ой! А тебя что, в детстве не учили делиться? – съехидничал Костик, вплотную подошёл к скутеру, схватился рукой за руль. Ещё одно движение – и он оттолкнёт мощным корпусом девчонку от её машины.

– Ох, зря ты так... – негромко проговорила Гликерия.

Это прозвучало весьма зловеще. Или так только показалось Оле, которая, как и остальные зрители, когда уже всё закончилось, не раз вспоминала случившееся.

В толпе с интересом переглянулись и снова захихикали.

– Ой, боюсь-боюсь, – улыбнулся Костик.

И тут произошло то, что впоследствии долго и подробно обсуждалось. Гликерия вдруг резко подняла левую руку с растопыренными пальцами, сделала несколько круговых движений, сжала кулак, как будто выхватила что-то из воздуха – и кинула это «что-то» в лицо Кости. Секунда – и тот взвыл, упав на асфальт и скорчившись под ногами Гликерии.

В толпе зрителей ахнули, взвизгнули. Несколько самых смелых и преданных девчонок бросились к Косте.

– Костя, Костя, как ты? – запричитали они, склонившись над ним.

– Как чувствуешь себя?

– Ты жив???

– Поднимайся, – сказала Гликерия, протягивая Костику ту же самую, сразившую его руку.

Но парень, снова вскрикнув и неистово отталкиваясь от асфальта пятками, отполз от неё подальше. Он лежал – такой несчастный, такой пострадавший. Глядя на него, Оля Соколова забыла про месть – и уже пробиравась к старшим девчонкам, чтобы спросить, чем помочь – не сбегать ли за медсестрой. Или, может, «Скорую помощь» вызвать...

– Да вставай, всё с тобой нормально, – Гликерия вместе с мотороллером приблизилась к поверженному герою. – Давай, не позорься. И тебя, наверно, в детстве не учили, что никогда не надо проявлять агрессию. На силу всегда есть сила сильнее.

Больше она ничего не сказала. Села на скутер. Затрещал его моторчик. Толпа стремительно расступилась.

Гликерия уехала.

Вот тут-то все разом и заговорили. Костю Комкова подняли с асфальта. Кто-то схватил его за запястье, проверяя пульс, кто-то положил ладонь на лоб, проверяя – не поднялась ли температура, кто-то отряхивал от уличной грязи, испортившей одежду красавца.

Сбросив оцепенение – и руки добрых помощников, Костик бодро оглянулся по сторонам и заявил:

– Я в порядке.

– А что с тобой было? – чуть ли не хором поинтересовались окружившие его ребята.

– Я не помню, – голосом человека, который перенёс амнезию, ответил Костик.

И на разные голоса ему принялись рассказывать, как монстр-новенькая поводила в воздухе рукой и как будто бы кинула в Костика невидимый шар. Который и поверг его наземь.

– А ты следил за её движениями, не отрываясь!

– Да, да, как загипнотизированный!

Оля не принимала участия в рассказе. Как будто спало с неё наваждение – Костю ей было уже не жалко. Потому что она... Потому что она ему не верила – вот что! Ей даже стало стыдно – человек только что упал, пострадал, да ещё на глазах у всех. А она... Странное с ней что-то происходило. Добрая Таня Огузова уже квохтала возле несчастного. А Оля так и осталась на месте.

– Ах, да! – Константин тем временем картинно вскинул голову. – Чё такое вообще произошло-то? Вообще бред. Я почувствовал, как будто меня током ударило, что ли... Бах – и всё. Как шок. Да. И темнота. Очухался уже на земле. Локтем вот ударился, больно...

– А сейчас-то как? – поинтересовались сочувствующие.

– Сейчас нормально, как ничего и не было... – пожал плечами Костик.

– А она ведь говорила, что лучше её не трогать, – подала голос одна из старших девчонок. На лице её был мистический ужас, да и голос дрожал, как у ведущей передачи о сверхъестественных силах.

– Да, говорила... – согласились с ней.

– Ой...

По толпе снова прошёл рокот. Теперь уже тревожный. Ведь речь зашла о мистике. Оля Соколова тоже поддалась общему настроению и зябко поёжилась.

– Я думал, она просто готичка... – протянул Димка Савиных. – А она вон что творит. Рукой поводила – и, считай, труп на земле. А ведь не скажешь, что ведьма...

– Почему – а может, и правда ведьма? – тут же возразили ему.

И собравшиеся шумно заговорили.

– Ведьм не бывает.

– Ну, тогда она экстрасенс.

– А экстрасенс – это и есть ведьма!

– Ведьма!

– Ведьма...

Порыв ветра смахнул с асфальта колючую снежную крупу, поднял её в воздух. Она неприятно ударила по лицам, как будто природа вредничала и глумилась, подыгрывая злой девчонке.

О которой продолжали говорить – и даже разыгравшаяся непогода не мешала этому и никого не прогнала с продуваемого ветром школьного двора.

– Да никакая она не ведьма!

– Ну как не ведьма? А что она с Костяном-то сделала?

– Конечно, ведьма, – вон, вся в чёрном...

– А точно – она всегда ходит в чёрном!

– Как в нашей школе появилась, так в другой одежде её никто и не видел!

– Да...

– Нет. Настоящие ведьмы так не одеваются, – безапелляционно заявила Лана, она же Светлана Бояршинова, девушка из десятого класса, которая сама позиционировала себя как ведунью и колдунью, всегда появлялась на публике в одеждах хоть и не чёрных, но зато весьма экстравагантных. И всегда такая таинственная. Она входила в состав руководства ученического комитета, считалась тонким психологом, любила влиять на умы и руководить потоком жизни. А ещё гадала по руке, на картах и продуктах. Ходил слух, что она умеет отлично приворажи-

вать, но делает это очень редко – и только для очень сильно страдающих от неразделённой любви людей.

Вот и сейчас этой фразой она тут же привлекла к себе внимание.

– Почему – так не одеваются?

Лана со знанием дела подняла брови, выждала паузу, измучив этим нетерпеливых, и произнесла:

– Настоящие ведьмы выглядят как обычные люди. А так – будто бы они все из себя мистические и загадочные, одеваются только те, кто косит под ведьм.

– А-а, вроде как имидж создаёт? – усмехнулся Костик. – А ведь реально в интернете куча таких. Типаж «молодая ведьмочка». Я такая опасная, такая привлекательная – бойся меня! Только успевай их лопатой отгребать, таких демонических. Достали.

Многие согласились с ним. И сразу стало как-то спокойнее и проще. Оцепенение спало. И последние страхи развеялись. Холодный ветер и колючий снег сразу стали ощутимыми и неприятными. Стоять на улице и обсуждать странное происшествие всем расхотелось.

– То есть она обычная девчонка? – как к знатоку, обратились к Лане Бояршиновой несколько человек. Тех, которые очень хотели вернуть свой привычный, без странных поступков и сверхъестественных событий уютный мир. Им нужно было подтверждение специалиста – что ничего подобного на самом деле не бывает. И сейчас не было.

– Ну да, – утвердительно кивнула Лана. – Косит, говорю же. Нагоняет загадочности. Внимание к своей персоне привлекает. Ну, это она зря. Нас этим не удивишь. Правильно?

«Правильно! Конечно!» – охотно согласились с ней.

А Оля Соколова подумала: «Надо же – ведь на самом-то деле Лана конкуренции боится!» – и улыбнулась. И ещё подумала о том, что Гликерия-то, наоборот, не внимание к себе привлекает, а делает всё, чтобы её оставили в покое.

Толпа редела. Оля тоже двинулась в сторону ворот. Её нагнала Таня Огузова.

– Ну почему не ведьма-то, ты мне скажи? – тут же затормошила она Олю. – Как она это сделала? Движение руки – и Комков валяется на земле! Ну разве возможно это без применения магических сил? Экстрасенс, экстрасенс она – сто процентов! Это я тебе говорю!

Как часто бывает, при малом росте и невыразительной внешности Таня отличалась большой активностью и повышенной болтливостью. Ей до всего было дело, сплетни со слухами первой доносила до ушей каждого одноклассника именно она. Она же и формировала общественное мнение – пока только тоже на уровне класса. Но в дальнейшем собиралась это делать профессионально, то есть идти учиться или на журналиста, или на политтехнолога. А пока же...

– Я у неё обязательно спрошу, – подпрыгивая возле Оли, которая шла слишком быстрыми и широкими для неё шагами, тархтела Таня. – И мне новенькая обязательно расскажет, как она это сделала. А нет – я её припугну! Скажу, что её действия можно расценивать как преднамеренное покушение на жизнь и здоровье Комкова!

Оля до этого не сильно вслушивалась в Татьянину трескотню, но тут даже остановилась. И Огузова на бегу ткнулась носом ей в плечо.

– Ты чего? – потирая нос и удивлённо глядя на Олю, протянула Таня.

– А ты чего? Ты чего факты-то искажаешь? Какое ещё преднамеренное покушение на жизнь? – воскликнула Оля. – Новенькая защищалась. Как умела.

– А если бы Костик умер? – всплеснула ручками Огузова. – Ну ладно – или покалечился?

– А если бы он новеньку покалечил?

– Как?

– А так – она ему свой скутер давать не собиралась. Комков бы начал отбирать. Она бы не давала. И чем бы всё кончилось?

– Да – чем? – с задором полемиста воскликнула Татьяна.

– Танька, Комков гораздо сильнее новенькой. – Оля тоже разошлась. Картина того, что могло бы произойти, в ярких красках предстала перед её глазами. Да ещё и на горизонте маячил образ обиженного Комковым друга Сашки. – Ну вот как навернул бы он ей в лоб...

– Ага – при всём честном народе! – саркастически усмехнулась Танька.

– А чего – думаешь, не смог бы?

– Нет – имидж бы не позволил!

Оля снова вспомнила своего Сашку.

– Ой – я тебя умоляю! – Она махнула рукой и снова зашагала по тротуару. – Если наш красавчик чего-нибудь захочет – его танком не остановишь.

– Это правда...

– Поэтому, Тань, ты уж, когда будешь нашим рассказывать, то придержишься этой версии. – Оля специально говорила с Танькой, как официальное лицо – такими же официальными словами. На неё это обычно действовало.

И подействовало. Татьяне сразу стало неинтересно – интрига пропадала. Скоро показался её дом, и она, махнув Оле на прощанье, скрылась в подъезде.

Глава 4

Синие бахилы

Оля и Сашка встречались. И вообще, и сегодня вечером.

Здесь обычно встречались все – в торговом центре, главном развлекательном месте города. Тут было всё: магазины, кинотеатр с несколькими залами и четыре кафе. Разных: одно для очень быстрого питания, одно дорогое с парадно одетыми официантами, снующими вокруг столиков, и два демократичных и вполне приятных. На первом этаже и на самом верхнем.

Здесь, под стеклянным куполом, было устроено подобие сада. За столиком под раскидистым пластиковым деревом устроились и Оля с Сашкой. Считалось, что это романтично – употреблять здесь какой-нибудь продукт питания. Они так и делали – ели мороженое и, водя пальцами по ламинированным, собранным на крупные кольца листам меню, выбирали коктейли. Оля ждала, когда Сашка, минуя официантов, отправится к барной стойке – делать заказ. В такие моменты он был очень хорош – стопроцентно взрослый парень, уверенный в себе и деловой. Оля смотрела на него и гордилась, что этот парень именно её.

Вдали, за столиком под аналогичным деревом встречались девчонка из параллельного класса и парень из одиннадцатого. Перед парнем стояла солидная кружка пива, а девчонка была упакована, как на дискотеку. Их свидание было, видимо, более знаменательным. Да если внимательнее приглядеться, можно найти много знакомых лиц. Тут все встречались: до или после прогулки вдоль магазинных рядов, посещения кинотеатра или игрового зала. Это был лучший способ проведения времени. Ну где же ещё гулять в городе, в котором не было даже приморской набережной, а парк – это всего лишь несколько рядов старых раскоряченных деревьев и покосившихся скамеек, и улицы темны, узки и грязны?

Оля каждый раз ждала прогулку с Сашкой по торговому центру если не как Золушка бала, то с надеждой на истинную романтику. А сегодня она ещё планировала зайти в магазин парфюмерии, понюхать пробники духов и понять, что же за такой приятный парфюм был у новенькой. Поинтересоваться, сколько такое удовольствие стоит. И – начать думать о том, чтобы купить эти духи себе. А может, Сашка захочет ей их подарить?..

Оля улыбнулась в предвкушении. Вечер обещал быть романтическим.

Зазвонил Сашкин мобильный телефон. И поход за коктейлем пришлось отложить: Сашка вернулся к столику и с интересом принялся слушать то, что ему вещали. «Савиных звонит!» – зажав трубку, прошептал он Оле и сделал большие глаза.

Оля поняла – Димка пересказывал то, что произошло сегодня возле школы. Сашка ушёл с последнего урока, а потому всё пропустил. Оля почему-то не хотела рассказывать ему о мистической новенькой, хотя понимала, конечно, что информация неизбежно до него дойдёт. Костик Комков был посрамлён, практически повержен – и сделал это не Сашка, как часто виделось Оле. А вот если бы его поверг на землю Саша Макушев! Её Сашка... Нет, не хотела Оля это сегодня обсуждать – тратить на разговор о другой девчонке свой собственный выход в свет. Перед посещением магазина духов она собиралась уютно посидеть, глядя на пламя плавающей в плошке свечи, медленно отпивать коктейль из высокого стакана и неторопливо разговаривать, ощущая весь романтизм момента. А после этого снова пройти по блистающим хромом и никелем лестницам центра, мимо ярких реклам, мимо сверкающих стёклами и расцвеченных огоньками витрин, заглянуть в магазины, даже просто посмотреть на то, что там предлагают, без мечты о покупке. Почувствовать свою сопричастность с большим миром – с тем, который есть или в телевизоре, или где-то там, далеко-далеко от маленького неприметного приморского городка, с настоящей интересной жизнью, с красотой и прогрессом. И пусть дальнейший путь

к дому по неприветливым тёмным улицам снова вернёт к реальности и скучной обыденности, этот короткий выход в красивую взрослую жизнь – он ВЫХОД и есть!

... – А новенькая-то наша крута! – закончив разговаривать по телефону, хмыкнул Сашка. – Слушай, а может, все готы такие?

– Какие? – вздохнула Оля. Ведь так и произошло – разговор съехал на историю с чёрным скутером.

– Ну, со способностями, – Сашка пошевелил в воздухе растопыренными пальцами.

– Не знаю... – ответила Оля.

– Эх, жалко, меня там не было, и я ничего не увидел... – вздохнул Сашка. – Слушай, надо сказать ей – пусть ещё раз свои способности покажет!

– Ну конечно – размечтался, – фыркнула Оля, представив, как и кто будет просить у новенькой показать свои колдовские способности.

– Да понятно, просто так она магию применять не будет, проси не проси... Тогда надо же за ней последить – вот что! – Сашка даже подскочил на стуле. – Может, она ещё и не то может! И вообще выяснить – чего её семейку сюда принесло! Давай последим! Просто будем наблюдать за ней – и все дела! Тут ничего такого нету.

А что – это была мысль! Это была интересная мысль – и интересное занятие. Оле снова стало весело.

– Начнём вести наблюдение прямо завтра же в школе, – размахивая в воздухе ложкой от мороженого, сообщил Сашка. – Ну, ты выбрала коктейль? Я определился. Иду заказывать?

Теперь Оле хотелось, чтобы это завтра поскорее наступило. А придумывать план операции, сидя в кафе и попивая коктейль, тоже было просто великолепно!

Факт неуставных отношений в школе остался почему-то без внимания руководства. Да – казалось, учителя не узнали о том, как против ученика Комкова Константина были применены сверхъестественные силы. Наверное, победил здравый инстинкт самосохранения: все, кто наблюдал историю со скутером новенькой и бесславным падением Костика, делали вид, что вчера ничего не случилось. И что вообще они ничего не видели – хотя активно пересказали подробности своим приятелям. Лана дала правильную установку: то, чего нельзя объяснить, на самом деле и нет. А значит, и вчера ничего не было. Тем более что и Костику так было выгоднее: нарваться на кулак, пусть хоть и бесконтактный, – приятного мало. Плюсов к имиджу не добавляет. Поэтому забыли, всё забыли...

Те, кто обычно здоровались с Гликерией, и на следующее утро как ни в чём не бывало с ней поздоровались. Она ответила им так же дружелюбно и приветливо. Оля и Сашка, которые примчались к школе задолго до начала занятий, отметили, что она снова приехала в школу на мотороллере, поставила его к завхозу. И училась себе спокойненько, ничего особенного не вытворяла.

А Оля и Сашка наблюдали. Правда, только до того момента, пока она не умчалась на своём чёрном красавце.

– Чтобы за ней угнаться, нам нужен транспорт! – заявил Сашка. – И я его достану.

Оля представила себе погоню: она и Сашка на быстром мотоцикле. Здорово! Просто здорово – приключения! Малышовская игра в шпионов и сыщиков радовала её.

Рано утром Сашка заехал за ней на скутере – бодрой красно-жёлтой тарактелке. Ещё с вечера дул пронзительный ветер, разметал примороженный колючий снег по дорогам. Его было

совсем мало, так, жалкие кучки. Но всё равно хватило на то, чтобы ощутить всю прелесть езды без шлема: снег нещадно бил в лицо, так что хоть Оля и пряталась за надёжную Сашкину спину, досталось ей немилосердно. Хорошо, что до школы они домчались быстро – скутер, который Сашка выпросил на несколько дней у приятеля, ездил бойко. Никогда ещё Оля Соколова не влетала в школьный вестибюль с таким нетерпением. Согрейся! Скорее в тепло!

Оставив куртку в раздевалке, она подошла к центральным дверям и увидела, что возле объекта их наблюдений снова собралась толпа. Переглянувшись с Сашкой, который как раз закончил парковать свой транспорт и зашёл в вестибюль, Оля подобралась поближе и обнаружила, что это не толпа собралась вокруг Гликерии, а Гликерия пытается прорваться через многолюдный заслон. Да – несколько человек старшеклассников закрывали от неё дверь своими телами. А остальные просто стояли и смотрели на это.

– Повторяю: без сменной обуви мы тебя в школу не пустим, – сообщил полный десятиклассник – предводитель дежурных ученического «Комитета добра и порядка». Он стоял в самом центре живой цепи заграждения. Дежурные обычно рьяно выполняли свои обязанности – по утрам несли вахту в дверях, проверяли наличие сменной обуви, общего опрятного и невызывающего вида и записывали замечания опоздавшим в дневники. Опоздавшими считались все те, кто входил в двери и проходил сквозь их кордон после звонка на первый урок.

– Ну а что же мне делать – не учиться из-за этого? – со спокойным удивлением на лице поинтересовалась Гликерия.

– Иди домой за сменкой, – заявила Лана Бояршинова, охранявшая крайний правый подступ к двери. Мимо неё спокойно прошмыгнули трое малышей – детские тапочки, босоножки и кроссовочки, а также красно-синий позитив платяца и костюмчиков дали им полное право присутствовать сегодня на уроках.

– Но я не могу идти – мне далеко, – сказала Гликерия. – Мы утром торопились, и я забыла пакет со сменной обувью. Обнаружила это уже здесь. Возвращаться было поздно. Мне кажется, это нормальное объяснение. И если я один раз поучусь в ботинках, ничего страшного не случится. И никому это не повредит.

– Повредит! – сообщили с другого конца заслона.

– Как? – удивилась Гликерия.

– Ну давай все будут без сменной обуви ходить! – воскликнула Лана. – И что будет?

– Зачем – все, – усталым голосом проговорила новенькая. – Только я. И только сегодня.

– А ты что – особенная? – поинтересовалась Лана. И в толпе одобрительно загудели. Многие могли свободно пройти санитарно-гигиенический контроль ученического патруля и спокойно отправляться на уроки. Но шоу обещало быть интересным...

– Нет. Я просто забыла сменную обувь, – отчеканила Гликерия. – Завтра я снова её принесу.

– Вот завтра мы тебя и пустим. А сегодня – нет.

– Не имеете права.

– Имеем, – усмехнулась Лана.

Новенькая из девятого «А» ничего на это отвечать не стала, только качнула головой и вздохнула.

– Мы не можем тебя пустить в школу без сменной обуви, понимаешь? Это нарушение санитарных норм, – принялся объяснять добрым голосом главный дежурный. – На своих ботинках ты принесёшь в школу грязь. И повсюду растащишь её. А мы будем вынуждены ею дышать.

– Дышать грязью?

Главный дежурный запнулся, но Лана подхватила его знамя.

– Не надо цепляться к словам, – сказала она. – Вместе с грязью на подошвах твоей уличной обуви могут оказаться болезнетворные бактерии, бациллы, микробы и разные вирусы. С пола они поднимутся в воздух. Кто-то вдохнёт их, заболеет, заразит других... Так что...

– Ой, погодите! – с этими словами Гликерия вдруг упала на колени.

Оля Соколова тут же подумала, что сейчас она, стоя на коленях, начнёт умолять строгих дежурных пустить её в школу, чтобы она могла получать знания. Решила даже, что это она так будет готично прикалываться, конечно же, не на самом же деле. Многие тоже, видимо, так подумали, потому что явно приготовились смеяться.

Однако новенькая лишь бросила на пол свой рюкзак и принялась там рыться. Наружу не выпадало ничего – всё, что Гликерия в рюкзаке перекапывала, там и оставалось, напрасно любопытные пытались подсмотреть, что такого интересного есть в имуществе чёрной-пречёрной девчонки. Оля Соколова тоже вытягивала шею, чтобы постараться хоть что-нибудь увидеть. Оля даже поймала себя на мысли: а ведь она ждёт, что таинственная новенькая достанет сейчас из рюкзака жуткую колдовскую книгу, сушёную летучую или живую домовую мышь, птичью лапу с острыми когтями...

Но новенькая вскоре вытащила два синих комка, расправила их и надела себе на ноги. Встала, отряхнула колени и, с довольным видом разведя руками, обратилась к дежурным:

– Хорошо, что вспомнила... Ну, теперь я могу спокойно передвигаться по школе и никого не заразить своей грязью с микробами. Так что прошу меня пропустить.

Дежурные переглянулись. Толстенский главварь задержал взгляд на Лане Бояршиновой, которая в силу имиджа пользовалась авторитетом. Та отрицательно покачала головой.

– Нет. Не можем, – заявил главный.

– Почему?!

– Это не сменная обувь.

– Ну как не сменная? – на обычно невозмутимом лице новенькой Оля увидела ярость. – А что же это, по-вашему, такое?

Это были бахилы – полиэтиленовые пакетики на резинках, которые выдавали обычно в больницах и салонах красоты.

Дежурные ничего не ответили. И стояли насмерть. Мимо них прошёл уже целый поток народа, даже двое учителей. Семеро смелых расступались, обшаривая взглядами и пропуская людей, но перед Гликерией плотно смыкались. Да она и не делала попыток прорваться сквозь их строй. Но путём переговоров у неё ничего не получалось.

– Что вы молчите? – воскликнула она. – Это обычные бахилы. Новые. Я на днях была в больнице и купила их там. В больнице почему-то в них можно. Хотя там – ослабленные люди, открытые раны и всякое такое. А в школе...

– А в школе нельзя, – заявил старший дежурный.

– Почему? Только потому, что до меня в бахилах тут никто не ходил?

– Да.

– Понятно... – Гликерия с сожалением вздохнула. – Значит, не пустите и в них?

– Нет.

– Тогда позовите мою классную руководительницу.

Дежурные снова переглянулись. До звонка на урок оставалось меньше пяти минут. Никому не хотелось идти за учительницей. Ведь наступала долгожданная пора: отлов опоздавших и запись замечаний им в дневники. Это считалось самым приятным развлечением дежурных.

Гликерия не знала об этом, но поняла, что её просьбу выполнять не собираются. Она обернулась, обвела глазами толпу и, увидев знакомое лицо, обратилась к Сашке Макушеву:

– Привет! А сбегай, пожалуйста, за нашей учительницей.

И Сашка побежал. Оля проводила его взглядом и осталась ждать в толпе – обязательно надо было узнать, чем всё кончится. Первым уроком всё равно была физика, и если Марина Сергеевна придёт сюда, то через дежурных Оле удастся прорваться вместе с ней.

Марина Сергеевна появилась одновременно со звонком. Она прогнала всех глазающих, но Оля и Сашка остались возле неё – а мало ли что классной руководительнице понадобится: куда сбегать, кого позвать. Дежурные не решились их трогать, а учительнице стало не до них.

– Пожалуйста, Марина Сергеевна, выслушайте меня. Я хочу понять, почему меня не пускают на занятия, – обратилась к ней Гликерия. – Я забыла сменную обувь, но эти бахилы вполне сегодня могут заменить её. Ведь если ими пользуются в медицинских учреждениях, значит, считается, что они вполне могут защитить окружающих от возможных бактерий и микробов, которые теоретически я могу принести на уличной обуви. А значит, я не нарушаю санитарно-гигиенических норм и не нанесу вреда никому из учеников и учителей, правильно?

– Да...

– Ну тогда дежурные вполне могут меня пропустить на занятия.

Марина Сергеевна с головы до ног оглядела свою новую ученицу. Всё те же гладкие волосы, стянутые в два хвоста простыми резинками, тёмные глаза под тонкими бровями, совсем маленький рот – как у персонажа японских мультфильмов, недлинное чёрное платье, высокие, почти до колен, шнурованные ботинки. И на них комические синие пакеты, так называемые бахилы... Марина Сергеевна сама недавно посещала поликлинику – и, чтобы попасть к врачу, нужно было взять в гардеробе и надеть на ноги точно такие же средства защиты. Так что к новенькой не может быть никаких претензий – санитарно-гигиенические нормы она в своих бахилах действительно не нарушает. Да ещё и молодец – нашла оригинальный и грамотный выход из ситуации. Только вот... Почему-то не хотелось девчонку хвалить – на такой мысли поймала себя учительница. Да, не хотелось. Снова колыхнулась в душе Марины Сергеевны смесь раздражения пополам с завистью. Захотелось поддаться этим чувствам – и отправить оригиналку домой за сменной обувью. Чтоб не забывалась. Но Марина Сергеевна вовремя увидела, как двое её учеников стоят и смотрят – а потому поспешно скомандовала: «Пусть идёт на урок» и махнула рукой дежурным – в значении «расступитесь».

– Спасибо! – благодарно улыбнулась новенькая. Пожав плечами, с улыбкой прошла мимо строя дежурных. И зашуршала своими пакетами по коридору.

А Марина Сергеевна шагала вслед за ней и смотрела девчонке в спину. По спине хлопал потёртый кожаный рюкзачок, колыхались блестящие волосы, перехваченные резинками. Высокие ботинки, которых у Марины Сергеевны не было ни сейчас, ни в подростковом возрасте, уверенно и независимо ступали по линолеуму. И даже нелепые синие шуршунки не делали их хозяйку смешной или жалкой.

Урок прошёл скомканно. И хоть ребята этого и не заметили, Марина Сергеевна то и дело отвлекалась и задумывалась. А как только он закончился, поспешила в секретариат. Там хранились личные дела учеников. И пока длилось «окно» между её занятиями, Марина Сергеевна с большим интересом, словно художественное произведение, принялась изучать документы Гликерии. Кто она такая, откуда взялась, почему, ничего особенного не делая, она смущает учеников и даже учителей? Так, вот оценки за предыдущие классы и первую четверть этого года. А вот за прошлые годы. Очень неровные – тройки по некоторым предметам вроде геометрии, алгебры и физики, стабильная пятёрка по русскому языку, географии и английскому,

то пять, то четыре по истории и биологии. Остальные регулярные четвёрки. В младших классах ещё неизменные пятёрки по природоведению, физкультуре и музыке. Вот графа сведений о родителях. И – ничего... Ни имён, ни профессий, ни контактных телефонов. Как так получилось, почему прохлопали этот момент, когда её принимали в школу, – непонятно. Интересно – это потому, что её семейка что-то скрывает? Или всего лишь информацию не внесли из-за обычной спешки?

... – Зайди в кабинет физики после уроков, – дождавшись окончания в своём девятом «А» биологии и появляясь среди развесистых фикусов и заспиртованных козявок, скомандовала Гликерии Марина Сергеевна. – Я хочу с тобой поговорить.

– Хорошо, – без проблем согласилась новенькая.

Марина Сергеевна, видимо, не ожидала, что так быстро закончится разговор. Настроилась, вероятно, на пререкания и вопросы «А зачем? А что я сделала?» Гликерия посмотрела на неё ясными глазами и, не увидев, что учительница хочет продолжить диалог с ней, прошла мимо и скрылась в глубинах коридора.

А Марина Сергеевна осталась. Постояла, посмотрела на то, как ученики выбираются из-за парт, взяла у учительницы биологии классный журнал девятого «А», крутанулась на каблучках и широкими шагами ушла из кабинета.

Ученики переглянулись. Их добрая учительница, которая была практически своя в доску, вдруг заговорила так официально и жёстко. Чем же новенькая её успела достать? Неужели шуршалками-бахилами? Вряд ли – ведь они такие смешные. Гликерия настолько забавно – с серьёзным ответственным видом – их разглядывала и поправляла, что многим тоже очень хотелось заявиться на уроки в таких же. Даже удивительно, что никто раньше до такого не додумался. Ну неужели Марина Сергеевна будет ругать новенькую за это?

– Вряд ли... – с уверенностью заявил Сашка Макушев. – Тут точно что-то другое.

Оля, Сашка и примкнувший к ним Димка Савиных двинулись по коридору в направлении кабинета математики.

– Мы чего-то не знаем?

– Возможно.

– А может, просто до Марины дошла информация о том, как она уделала Комкова? – предположил Димка.

– Тоже возможно.

– Интерес-с-ный она персонаж... – протянул Димка. – Вот бы за ней просто последить: куда она девается, откуда появляется. И вообще чем занимается. Кто они вообще такие, эти готы...

Сашка и Оля переглянулись. И рассказали ему свой план шпионских действий. Савиных обрадовался и охотно включился в игру.

– Подслушивать, конечно, нехорошо, – задорно подмигнул он. – Но мы же хотим получить объективную информацию...

И они подслушали.

– Марина Сергеевна, пожалуйста, извините. Но если ничего серьёзного, то можно мы отложим наш разговор – перенесём его на какой-нибудь другой день? Внезапно выяснилось, что я очень тороплюсь. Если вы не против, конечно. Скажите – вы хотите поговорить со мной о чём-то важном – или оно действительно подождёт?

Вот что раздалось из-за двери кабинета физики, когда она закрылась за новенькой. И... В ответ послышался невнятный растерянный лепет Марины Сергеевны. Савиных, припавший

к узкой щели между дверью и дверным косяком, отпрыгнул, крикнул Оле с Сашкой: «Идёт!» И все трое спрятались за поворотом.

Гликерия выскочила из кабинета и быстрыми шагами, почти бегом, бросилась к лестнице. Группа любопытных преследователей побежала за ней – но на благоразумном расстоянии. И зря – потому что это дало возможность новенькой быстро одеться, выскочить на улицу и скрыться в большой чёрной машине, которая поджидала её у обочины. Машина тут же, конечно, умчалась.

Так что Сашкин скутер не понадобился.

– Ничего, – утешил Димка Савиных. – Так даже интереснее. Тайна интригует. Я тоже завтра на каком-нибудь транспорте приеду. И мы узнаем, что это за девочка и где она живёт!

– А если она снова будет не на скутере, а на машине уедет? – поинтересовалась Оля.

– А мы затаимся в засаде. И на следующий день опять приедем на скутерах. И ещё на следующий. Шпион должен уметь ждать.

Оля и Сашка согласились.

Глава 5

Нелюдимо наше море

И на следующий день всё получилось! Гликерия появилась на скутере – троица шпионов отметила это. А значит – можно будет спокойно заняться слежкой. Димка сдержал слово – смог подготовиться к этому мероприятию и приехал на довольно раздрыганном, но боевом мопеде. Правда, его задор подпортил Костик Комков, который, увидев, как Савиных катит своё транспортное средство к месту парковки, пошутил:

– О, и ты тоже, к зиме поближе, решил освоить мопед? Стильно. Я смотрю, у вас весь класс в маразм впадает. Плагиат дури...

А ведь действительно – в течение нескольких дней в школу пришла мода являться на скутерах и прочем лёгком автотранспорте. Дорожная наледь перестала смущать – да и к тому же снова потеплело, подул влажный ветер, так что рассекать бывшие застывшие, а теперь полноводные лужи было очень здорово. Скоро на хозяйственном складе не осталось места для парковки, и завхозу пришлось открывать для юных автовладельцев гараж столовой, в котором обычно стоял школьный грузовичок. Грузовичок весь рабочий день мотался, подвозя в столовую завтраки и обеды, так что его жилище оставалось свободным. Сейчас там ожидали своих хозяев мотороллеры всех цветов и моделей, один мотоцикл. И теперь туда заезжал Димкин конь.

Потеснив тощего семиклассника, любовно поглаживающего перед разлукой на долгий учебный день бока своего новейшего скутера, Савиных подмигнул Оле и Сашке. Ему было явно не по себе от неодобрительных слов старшего друга. Оле захотелось его поддержать. Но Димка сам принялся их смешить, строить догадки по поводу того, где может обитать их готическая одноклассница и чем там заниматься. Так что в школу все трое вошли весёлыми. И в предвкушении интересного приключения.

На уроках Оля то и дело останавливала взгляд на новенькой. Та вела себя как обычно – спокойно и расслабленно, получила двойку по геометрии, потому что у доски возле недорисованных треугольников выступила крайне посредственно. Гликерии никто не подсказал, да она и не просила. Посмотрела на треугольники с помеченными буквами сторонами и украшенными скобочками углами – и призналась учительнице, что не готова сказать о них ничего путного. Двойку приняла как должное, уселась за парту, трогательно сморщила лицо, вздохнула и почесала нос. На этом её переживания и закончились. Оля, не отрываясь, следила, как Гликерия наклонилась и подняла с пола рюкзак. Интересно, что она оттуда вытащит? Оле тут же представилось, что это будет пузырьёк с кровью. Новенькая обмакнёт туда перо чёрного ворона и начнёт писать, душераздирающе скрипя, в тетради из человеческой кожи... Ну или из телячьей – всё равно страшно. Что писать? Проклятия до седьмого колена учительнице математики и всему роду её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.